

Киплинг

Как леопард стал пятнистым

В те далёкие дни, когда все существа только что начали жить на земле, моя любимая, леопард поселился в пустынном месте, которое называлось Высокий Фельдт. Заметь: это не был Низкий Фельдт, или Лесистый Фельдт, или Горный Фельдт; нет, леопард жил в совершенно голой, унылой, знойной, залитой сияющими лучами солнца пустыне, называвшейся Высоким Фельдтом. Местность эту покрывал песок, скалы одного цвета с песком и редкие кусты желтоватой травы.

Там жили жирафы, зебры, антилопы, газели и другие породы рогатых животных; все они были покрыты гладкой желтовато-коричневатой шерстью песчаного оттенка; леопард фигурой походил на кошку; у него была серовато-желтоватая шерсть, которая совсем сливалась с желтовато-серовато-коричневатой почвой Высокого Фельдта. Это было очень плохо для жирафов, для зебр, для антилоп и для остальных беззащитных животных, потому что леопард ложился подле желтоватых камней или высоких травянистых зарослей, и, когда жираф, зебра, газель, антилопа куду или лесная антилопа проходили мимо него, он выскакивал из засады, бросался на них, и тогда их жизни наступал конец. В этой стране также жил эфиоп; у него были лук и стрелы; сам он в те времена был серовато-коричневато-желтоватый и охотился вместе с леопардом; эфиоп брал с собой лук и стрелы; леопард же убивал дичь зубами да когтями. Наконец, жираф, газель, антилопа, квагга и все остальные животные в этом роде решительно перестали понимать, в какую сторону им следует бежать. Да, моя любимая, они совсем растерялись.

Через очень-очень долгое время (тогда животные и люди жили долго) они научились скрываться от всего, что походило на леопарда или на эфиопа, и мало-помалу убежали из Высокого Фельдта. Первыми ушли жирафы, потому что у них были самые длинные ноги. Бежали они много-много дней; наконец увидели огромный лес; в нем было много деревьев, кустов, а на землю падали тени: тёмные полосы и пятна. Животные спрятались в лесу. Прошло ещё много времени. Животные вечно были отчасти в тени, отчасти на солнце, и от этого жираф стал пятнистым, а зебра — полосатой; антилопа же куду и газель потемнели, и по их спинкам прошли извилистые серые полоски, похожие на древесную кору. Теперь их можно было слышать, чують, но видеть стало трудно; их разглядел бы только знающий, где следует искать беглецов. Отлично жилось этим зверям среди пятен света и узорчатых теней леса. Между тем леопард и эфиоп бегали по обнажённой желтовато-красноватой пустыне и спрашивали себя, куда девались их завтраки, обеды и ужины? Наконец, они до того проголодались, что стали поедать крыс, жуков и кроликов, живших в скалах; потом у них разболелись животики; оба заболели. Как раз в это время они встретили павиана. А он, надо тебе сказать, самый мудрый зверь в целой Южной Африке.

Это мудрый павиан Бабун с собачьей головой, самый умный зверь в целой Южной Африке. Я срисовал его со статуи, которую сам же я и сделал. Я написал его имя на его поясе, на плече и на той вещи, на которой он сидит. Оно написано знаками, коптскими иероглифами, клинообразными, бенгалийскими, бирманскими и еврейскими; все потому, что он мудр. Нельзя сказать, чтобы Бабун был красив, но он очень умен; и мне хотелось раскрасить его красками из ящика для красок, но мне этого не позволили. На его голове — складки, похожие на зонтик; это — грива павиана; она — знак его высокого положения.

Леопард сказал павиану (стоял очень жаркий день):

— Куда ушла вся дичь?

Павиан подмигнул. Он отлично знал «куда».

Эфиоп сказал павиану:

— Можешь ли ты сказать мне, куда переселилась вся туземная фауна?

Эфиоп спросил совершенно то же самое, что леопард; только он всегда употреблял длинные слова; он был взрослый.

Павиан подмигнул. Он-то знал.

Скоро заговорил павиан:

— Дичь ушла в другие места, и тебе, леопард, я советую поискать тёмных пятен.

Эфиоп сказал:

— Все это хорошо и прекрасно, но я желаю знать, куда переселилась туземная фауна?

Тогда павиан ответил:

— Туземная фауна соединилась с туземной флорой. Тебе же, эфиоп, была бы полезна перемена.

Леопард и эфиоп ничего не поняли. О каких пятнах, о какой перемене говорил им павиан? Тем не менее они стали разыскивать туземную флору и после долгих-долгих поисков увидели большой, высокий, густой лес, полный деревьев с пятнистыми стволами, по которым перебежали тени. Тени эти качались, извивались, сходились и расходились.

— Что это? — сказал леопард. — Здесь темно, а между тем столько пятнышек света.

— Не знаю, — сказал эфиоп, — вероятно, это туземная флора. И я чую жирафа, но не могу видеть жирафа.

— Это удивительно, — заметил леопард, — впрочем, мне кажется, это происходит потому, что мы сию минуту вошли в тень с того места, где ярко светит солнце. Я чую зебру, я слышу зебру, но не могу видеть её.

— Погоди немного, — сказал эфиоп. — Ведь с тех пор, как мы на них охотились, прошло много времени. Может быть, мы позабыли, какой вид у этих зверей?

— Пустяки, — ответил леопард. — Я отлично их помню; и особенно хорошо у меня в памяти сохранился вкус их костного мозга. Жираф около семнадцати футов высоты и весь, от макушки до копыт, золотисто-жёлтый; зебра же около четырех футов с половиной, с головы до ног она серая.

— Гм, — протянул эфиоп, вглядываясь в пятнистые тени леса. — В таком случае, эти животные должны быть видны в темноте, как спелые бананы в тёмной дымной хижине.

Но ни жирафа, ни зебры не было видно. Леопард с эфиопом охотились целый день, и хотя чуюли дичь, слышали, как она шевелится, но ни разу не видели ни зебры, ни жирафа.

— Пожалуйста, — сказал леопард, когда наступило время обеда, — дождёмся темноты; охотиться при дневном свете неудобно.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Они подождали наступления темноты, и вот леопард услышал дыхание и фыркание среди серебристых полос звёздного света, который проходил сквозь древесные ветви и падал на землю. Леопард почуял зебру, схватил её и, когда повалил на землю свою добычу, почувствовал, что она бьёт его ногами, как зебра; а все-таки он не знал, что это было.

Леопард сказал:

— Не двигайся, ты, существо без формы. Я буду сидеть на твоей голове до утра, потому что не понимаю, что ты такое.

В ту же минуту он услышал шум, треск, и эфиоп закричал:

— Я поймал животное, которого не вижу. Оно брыкается, как жираф, и я чую запах жирафа, но ничего не вижу.

— Не доверяй ему, — сказал леопард. — Садись на его голову и не двигайся до утра; я сделаю то же самое. Их совсем не видно.

Так они просидели, пока не рассвело. Наконец, леопард сказал:

— Ну, братец, скажи, что там у тебя?

Эфиоп почесал себе голову и ответил:

— Животное это должно быть темно-оранжевое, а это все в каштановых пятнах. А у тебя что, братец?

Леопард тоже поцарапал себе голову и ответил:

— Моя дичь должна была иметь нежную серовато-жёлтую шерсть и называться зеброй; между тем шкура пойманного мной зверя покрыта чёрными полосами. Ну, скажи, пожалуйста, зебра, что ты с собой сделала? Разве ты не знаешь, что там, в Высоком Фельдте, я мог видеть тебя за десять миль; теперь же ты расплываешься перед глазами и тебя нельзя разглядеть.

— Да, — сказала зебра, — но ведь мы не в Высоком Фельдте, а в другом месте. Разве ты этого не видишь?

— Теперь-то вижу, — сказал леопард, — но вчера я ничего не видел. Скажи, почему это?

— Отпустите нас, вы оба, — сказала зебра, — и мы вам покажем, в чем дело.

Эфиоп и леопард отпустили зебру и жирафа; зебра побежала к большим кустам терновника и остановилась там, где от них падали полосы теней. Жираф же подошёл к высоким деревьям, под которыми лежали узоры из теневых пятен. Теперь ни ту, ни другого нельзя было разглядеть в лесу.

— Хи, хи! — сказал эфиоп.

— Теперь смотрите, — сказали зебра и жираф, — вот как делается у нас. Раз, два, три! Где ваш завтрак?

Леопард смотрел во все глаза; эфиоп тоже, но они видели только полоски да пятна теней в лесу; зебры и жирафа не было и следа. Они ушли и спрятались в чаще.

— Хи, хи! — сказал эфиоп. — Стоит поучиться их фокусу. Это тебе урок, леопард. Здесь, в тёмном месте, ты виден, как кусок мыла в ящике с углём.

— Хо, хо! — в свою очередь, сказал леопард. — Удивит ли тебя, если ты узнаешь, что здесь, в тёмной чаще, ты виден ясно, как горчичник, прилипший к угольному мешку?

— Ну, мы можем придумать сколько нам вздумается сравнений, но это не поможет нам получить обед, — заметил эфиоп. — Все дело в том, что мы отличаемся от цвета почвы. Я исполню совет павиана. Он сказал мне: тебе нужна перемена, а так как мне нечего менять, кроме кожи, я и переменяю её.

— Что-о? — протянул взволнованный леопард.

— Да, я обзаведусь новой хорошенькой рабочей коричневатой-чёрной кожей с лиловым оттенком и с переливами в аспидно-синий цвет. В ней будет удобно прятаться в ложбинах и за стволами деревьев.

И он сейчас же переменял свою кожу. Леопард заволновался ещё сильнее; он до сих пор не видел, чтобы человек менял кожу.

— А я-то? — сказал он, когда эфиоп натянул даже на кончик левого мизинца свою прекрасную новую чёрную кожу.

— Послушайся совета павиана; он сказал тебе: поищи тёмных пятен.

— Да я и смотрел в тёмные места, — сказал леопард. — Я пришёл сюда с тобой, осматривал тени леса, но разве это помогло мне?

— Вспомни о жирафе, — сказал эфиоп, — или подумай о зебре и её полосках. Их пятна и полосы очень удобны им.

— Гм, — сказал леопард. — Я совсем не хочу походить на зебру.

— Ну, решайся, — сказал ему эфиоп, — я не хотел бы охотиться без тебя, а все-таки придётся отправиться одному, потому что теперь ты походишь на подсолнечник; торчащий подле тёмной изгороди.

— В таком случае, я соглашусь на пятна, — ответил леопард, — только, пожалуйста, не делай мне слишком больших клякс; они вульгарно выглядят. Я не хочу слишком походить на жирафа.

— Я испещрю тебя кончиками пальцев, — предложил ему эфиоп. — На моей коже ещё достаточно чёрной краски. Поднимайся и не двигайся.

Эфиоп сжал свои пять пальцев (на его новой коже все ещё было много чёрной краски) и стал прикладывать их к телу леопарда; там, где они касались жёлтой шкуры зверя, после них оставалось до пяти чёрных пятнышек, очень близко друг от друга. На любой леопардовой шкуре ты увидишь их, моя дорогая. Иногда пальцы эфиопа скользили, и пятна немного расплывались, но присмотришься к любому леопарду — и ты увидишь, что на его шкуре в каждом пятне пять точек. Это следы пяти жирных чёрных кончиков пальцев эфиопа.

На этой картинке ты видишь леопарда и эфиопа после того, как они исполнили совет мудрого павиана, и на шкуре леопарда появились пятна, а эфиоп переменял кожу. Эфиоп был негром, и потому его звали Самбо. Леопарда звали Пятна. Они поохотились в лесу, полном теневых и солнечных пятен, и ждут миссис Раз-Два-Три-Где-Завтрак. Если ты посмотришь хорошенько, то невидалеке увидишь эту госпожу Раз-Два-Три. Эфиоп спрятался за тёмным деревом, потому что цвет ствола сливается с цветом кожи эфиопа; леопард лежит подле пятнистого бугорка, полного камешков, цвет которого походит на цвет его шкуры. Миссис Раз-Два-Три стоит и поедает листья с высокого

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

дерева. Это настоящая загадочная картинка, вроде той, которая называется: «Где кошка?»

— Теперь ты красавец, — сказал эфиоп. — Ляг на землю; тебя всякий примет за кучу мелких камешков. Ляг на обнажённую скалу, ты будешь походить на ноздреватый туф. Если ты ляжешь на сук, покрытый листьями, всякий подумает, что ты свет, проходящий сквозь листву; на тропинке ты тоже не будешь виден. Думай об этом и мурлыкай.

— Но если мои пятна так удобны, — заметил леопард, — почему ты сам не стал пятнистым?

— О, негру приличнее быть чёрным, — ответил эфиоп. — Пойдём же и посмотрим, не сумеем ли мы справиться с мистрис Раз-Два-Три-Где-Завтрак?

Они убежали и с тех пор, моя любимая, жили хорошо и счастливо. Вот и все.

Ах, да; иногда ты услышишь, как взрослые говорят: может ли эфиоп переменить свою кожу или леопард сбросить с себя пятна? Я думаю, что вряд ли даже взрослые спрашивали бы такие глупости, если бы леопард и один эфиоп уже не сделали такой вещи. Правда? Но ещё раз они не сделают ничего подобного; они и так вполне довольны.

Альтернативный перевод:

1. Как леопард получил свои пятна